

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1901.

ОКТАБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.

1901.

Кончина А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ.

(Изъ сочиненія Галуста Шермазаняна ¹⁾: „Матеріалы для національной исторіи“).

внухъ мирза Якубъ - Маркарянъ родился въ Эривани отъ скромныхъ, но довольно извѣстныхъ въ этомъ городѣ родителей. Онъ сталъ изучать древне-армянскій языкъ еще въ Эривани и затѣмъ для усовершенствованія отправился въ Эчмиадзинъ къ одному изъ учениковъ извѣстнаго въ то время Бертуміана.

Въ 1804 году во время осады крѣпости Эривани, когда конный отрядъ грузинскихъ добровольцевъ, поссорившись съ княземъ Циціановымъ, рѣшилъ возвратиться на родину, къ нему присоеди-

¹⁾ Галустъ Шермазанянъ (онъ же Шермазанъ - Варгановъ), извѣстный общественный дѣятель и писатель по новѣйшей армянской исторіи и археологій, родился въ г. Тифлисѣ въ 1815 году. Онъ высшаго образованія не получилъ, но, будучи одаренъ отъ природы большими способностями, сначала развилъ себя чтеніемъ, а потомъ путешествіями по разнымъ странамъ Востока. Въ молодости своей по торговымъ дѣламъ часто ѣздилъ въ Персію, а особенно въ Тавризъ и Тегеранъ, гдѣ онъ былъ избранъ главою тифлисскихъ купцовъ, въ то время проживавшихъ въ Тегеранѣ. Въ 1861 году онъ былъ избранъ въ городскіе головы г. Тифлиса, которому онъ оказалъ большія услуги; но въ 1865 году онъ сильно пострадалъ нравственно и матеріально во время „такъ называемаго бунта“. Объ этомъ бунтѣ газета „Кавказъ“ (№ 53, 1865 г.) передаетъ слѣдующее: „на объявленіе Закавказской казенной палаты о взносѣ дополнительнаго налога, назначеннаго съ лавокъ для продажи питей, съ цѣлью усиленія городской казны на покрытіе необходимыхъ городскихъ расходовъ, всѣ тифлисскіе торговцы и ремесленники, составляющіе корпораціи, извѣстныя подъ названіемъ а м к а р ь, и въ особенности, виноторговцы, на коихъ прямо падалъ увеличенный налогъ,

лось много армянскихъ купцовъ и мѣстныхъ жителей со своими семействами. При слѣдованіи каравана мимо Св. Эчміадзина, Якубъ (Яковъ), не говоря ни слова ни своему учителю, ни товарищамъ по классу, безъ провизіи, даже безъ пары платья для перемѣны, съ однѣми книгами за спиной, вышелъ изъ монастыря и присоединился къ отряду, рассчитывая попасть въ Тифлисъ къ только-что пріѣхавшему туда изъ Константинополя извѣстному ученому (кажется, это былъ Серопе Патканьянъ) ¹⁾, для усовершенствованія въ наукахъ.

Якубъ два дня шелъ пѣшкомъ съ караваномъ, получая хлѣбъ отъ незнакомыхъ спутниковъ, но около Бамбакадора персидское войско внезапно атаковало и разсѣяло караванъ; большая часть была пере-

отвѣчали отказомъ, ссылаясь на существующую дороговизну съѣстныхъ припасовъ и на опасеніе еще большаго возвышенія цѣны на продукты, такъ какъ хлѣбные посѣвы во многихъ мѣстахъ края истреблены саранчею, мышами и градомъ“...

„27-го іюня народъ, собравшійся толпами, хотя и невооруженными, и ослобленный противу нѣкоторыхъ изъ своихъ выборныхъ, не отстоявшихъ, по его мнѣнію, общихъ интересовъ, пропавель безпорядки, разрушивъ и разграбивъ дома городского головы Шермазана-Вартанова и сборщика податей Бажбеукъ-Меликова, при чемъ сей послѣдній, хотя и встрѣтилъ нападающихъ неустрашимо и защищался мужественно, былъ избитъ камнями и дручьими до такой степени, что вскорѣ умеръ“.

Во время безпорядковъ у Шермазаня пропала масса цѣнныхъ рукописныхъ историческихъ матеріаловъ. Съ этихъ поръ онъ уже окончательно покидаетъ арену общественной дѣятельности и всецѣло посвящаетъ себя собиранію и изученію матеріаловъ для новѣйшей армянской исторіи и археологіи. Онъ предпринялъ путешествіе по Арменіи и результаты его, полные интереса и содержательности, печаталъ сначала въ журналѣ „Крункъ“, а затѣмъ въ „Арагатъ“ за 1876 и 1877 годы (этотъ послѣдній журналъ издается и въ настоящее время въ Эчміадзинѣ) подъ заглавіемъ „Путешествіе по Арменіи“. Тутъ онъ коснулся разнообразныхъ вопросовъ по этнографіи армянъ и, между прочимъ, возбудилъ вопросъ о воспитаніи армянскихъ женщинъ. Принимая дѣятельное участіе въ кавказскихъ армянскихъ и русскихъ организацияхъ печати того времени, онъ напечаталъ нѣсколько переводныхъ и оригинальныхъ статей, немало поработалъ и въ Константинопольскихъ газетахъ „Аршалуйсь, Араратянъ“ и „Маспесъ“. Въ Тифлисъ онъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Анекдоты, забавные рассказы, басни и пр., взятые преимущественно изъ народной жизни“. Достойнымъ же украшеніемъ трудовъ Шермазаня являются „Матеріалы для національной исторіи“. Трудъ этотъ увѣнчанъ Измировской преміей именъ Месрона и Саака—этихъ армянскихъ первоучителей, и изданъ въ годъ смерти автора. Девятую главу этого труда составляетъ переведенная и дополненная нами статья „Евнухъ Мираа-Якубъ Маркарянъ“. Галусть Шермазанянъ умеръ въ 1891 году въ Орловской губерніи въ селѣ Залѣспомъ, гдѣ и похороненъ, вдали отъ любимой родины, которой отдалъ всѣ свои силы и всю энергію. М. А.

¹⁾ Дѣдъ бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ армянскаго языка и словесности.

бита, а уцѣлѣвшіе взяты въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ оказался и Якубъ, который былъ тогда въ возрастѣ 18—19 лѣтъ. Его и нѣсколькихъ плѣнниковъ ¹⁾ оскопили въ Тавризѣ и отослали въ Тегеранъ въ шахскій гаремъ, гдѣ они воспитывались подъ руководствомъ своего именитаго соотечественника, главнаго евнуха Ага-Якуба-Кутули.

Исторія дѣтства Якуба неизвѣстна, и мы знаемъ лишь, что онъ былъ свѣдущъ въ древне-армянскомъ языкѣ, на которомъ писалъ безошибочно. По поступленіи въ гаремъ, Якубъ началъ изучать персидскій и арабскій языки подъ руководствомъ Ага-Якуба-Кутули, для усовершенствованія въ этихъ языкахъ нанималъ еще очень хорошо подготовленнаго учителя, который кромѣ этихъ языковъ обучилъ его и персидскому счетоводному искусству—бухгалтеріи, которой персы обучались не менѣе 10—15 лѣтъ, какъ самому трудному и сложному искусству, чтобы по окончаніи получить званіе «метофа».

Якубъ за знаніе и любознательность получилъ титулъ мирзы, который даютъ въ Персіи лицу, владѣющему перомъ; очень часто въ корреспонденціи и въ «Исторіи Каджаровъ» дается также прозвище «ага» тому лицу, которое имѣетъ титулъ или чинъ среди евнуховъ.

Случилось, что въ то время въ Тегеранъ пріѣхалъ изъ Норъ-Джуга нѣкто Степанъ, оказавшійся знатокомъ въ веденіи книгъ по двойной системѣ бухгалтеріи на армянскомъ и англійскомъ языкахъ, благодаря тому, что въ теченіе ряда лѣтъ въ англійскомъ бюро въ Мадрасѣ исправлялъ обязанности бухгалтера. Онъ обучилъ Мирзу-Якуба двойной бухгалтеріи и поступилъ въ торговое товарищество того же Якуба, Манучара и Хосрова хановъ въ качествѣ бухгалтера. Первоначальной причиною успѣха Мирзы-Якуба въ Персіи и является именно знаніе бухгалтерскаго искусства. По свидѣтельству Хосровъ-хана годовою расходъ шахскаго гарема въ тѣ времена приблизительно достигалъ 300.000 тумановъ ²⁾; для приведенія въ порядокъ запутанныхъ счетовъ и составленія краткаго отчета для шаха проходило 4—5 мѣсяцевъ и два или три метофа должны были заниматься исключительно этимъ дѣломъ. Когда же Кутули поручилъ отчетъ Мирзѣ-Якубу, то онъ въ теченіе 20 дней, самое большее въ мѣсяцъ, привелъ все въ порядокъ и на одномъ листѣ представилъ его шаху, который былъ не мало этому удивленъ. Наградивъ Якуба, шахъ приказалъ Кутули, чтобы тотъ оказывалъ особое ему покровительство. Благодаря этому Якубъ сдѣлался лично

¹⁾ Въмѣстѣ съ Якубомъ были взяты въ плѣнъ Хосровъ и Манучаръ, которые впоследствии сдѣлались ханами и играли видную роль при дворѣ Фетъ-Али-Шаха.

П р и м ѣ ч. п е р е в о д ч и к а.

²⁾ Персидскій туманъ того времени равнялся 4 рублямъ.

П р и м ѣ ч. п е р е в о д ч и к а.

извѣстенъ шаху. Онъ поручилъ ему составить годовой отчетъ по приходу и расходу Ирана; разбросанныя въ отдѣльности статьи соединить вмѣстѣ и представить ему. Всѣ эти и т. п. отчеты Мирза-Якубъ до такой степени упростилъ, что больше не было надобности въ метофъ, который бы докладывалъ шаху; теперь шахъ самъ читалъ отчетъ, распредѣлялъ суммы и быстро охватывалъ всѣ данныя.

Мирза-Якубъ, взамѣнъ старинныхъ персидскихъ знаковъ, приводилъ денежныя суммы индусскими цифрами (то, что европейцы называютъ арабскими цифрами, у персовъ принято называть индусскими). Онъ много хлопоталъ, чтобы «индусскія» цифры были введены въ официальной перепискѣ и отчетахъ Ирана, и были изгнаны изъ употребленія трудныя и залутанныя персидскія. Но старомодныя метофы изъ-за личныхъ выгодъ являлись его противниками: бухгалтерское искусство, по большей части, считалось между ними наслѣдственнымъ, и другихъ ему не обучали.

Итакъ Мирза-Якубъ, благодаря своимъ трудамъ и природнымъ способностямъ, быстро выдвинулся и сталъ наравнѣ съ передовыми дѣятелями своего времени. Говорили, что, если бы онъ держался до конца жизни магометанства, то навѣрное пошелъ бы очень далеко: достигъ и высшихъ должностей и высокихъ титуловъ; но онъ не пожелалъ получить даже званія хана—настолько онъ былъ твердый христіанинъ въ душѣ; днемъ и ночью онъ помышлялъ, какъ бы уйти изъ Персіи, чтобы подъ покровительствомъ христіанской державы свободно исповѣдовать свою религію. И, можетъ быть, для этого за три—четыре года до того времени, какъ его убили, онъ началъ изучать французскій языкъ и, какъ передавали, достаточно смѣло говорилъ и писалъ по-французски. Онъ думалъ также изучить русскій языкъ, но не нашелъ учителя и держалъ при себѣ одного плѣннаго солдата, чтобы у него учиться говорить по-русски до пріисканія лучшаго учителя.

Ага-Якубъ-Кутули, какъ главный еввухъ или «князь» гарема, не могъ искоренить дурнаго обыкновенія, уже давно привившагося въ гаремахъ, и особенно въ гаремѣ шаха: нѣсколько престарѣлыхъ еввуховъ и старыхъ женщинъ, долгое время проведенныхъ въ гаремѣ, покупали на базарѣ по высокой цѣнѣ въ кредитъ разные старыя, плохіе женскіе наряды, иногда и драгоценныя камни, приносили въ гаремъ и за еще болѣе дорогую цѣну продавали здѣсь женщинамъ, также въ кредитъ. По прошествіи срока, когда продавцы отъ упомянутыхъ посредниковъ, а послѣдніе отъ женщинъ гарема настойчиво требовали уплаты, женщины, не будучи въ состояніи выплатить долговъ, возбуждали энергичныя жалобы и протесты, чѣмъ причиняли крупныя непріятности Кутули. Поэтому послѣдній предложилъ шаху разрѣшить ему составить изъ нѣсколькихъ еввуховъ-капиталистовъ то-

варищество, которое устанавливало бы цѣны всѣмъ нужнымъ для женщинъ товарамъ при содѣйствіи опытныхъ купцовъ и за опредѣленные цѣны покупало бы также и драгоценные камни въ присутствіи Кутули и надежныхъ ювелировъ, чтобы не было обмана; затѣмъ всѣ женщины могли бы покупать за цѣны, однажды назначенныя, а не такъ, чтобы сегодня за дорогую, а завтра за дешевую цѣну.

Шахъ принялъ это предложеніе Кутули; но ни одинъ изъ евнуховъ не рѣшался брать на себя это дѣло, такъ какъ требовался большой капиталъ. Тогда Ага-Манучаръ Ениколопянецъ ¹⁾ предложилъ товарищамъ по плѣну Ага-Хосрову Кайтмазянцу и Мирзѣ-Якубу принять предложеніе Кутули съ его капиталомъ, подѣливъ лишь условіемъ, чтобы выручка была распредѣляема на четыре равныя части: одна часть въ основной капиталъ, а остальные три дѣлились бы между тремя участниками, конечно, за вычетомъ расходовъ. Хосровъ говорилъ: «когда Манучаръ сообщилъ мнѣ объ этомъ, я думаю самъ-себѣ, будь я дуракъ, если не соглашусь. Чѣмъ я рискую: масла ли потрачу, или риса? Если потерпимъ убытки, чѣмъ я отвѣчаю, потому и согласился». Впослѣдствіи я догадался, что Манучаръ опасался за меня и особенно за Мирзу-Якуба, который состоялъ счетоводомъ гарема, такъ какъ для этого коммерческаго товарищества нанялъ вышепоименованнаго Степана, изъ Ислагани, въ качествѣ бухгалтера и дѣловаго корреспондента.

Эти три личности обладали удивительно противоположными вкусами. Хосровъ любилъ держать хорошихъ верховыхъ лошадей, имѣть богатую сбрую, украшать домъ богатою домашнею утварью и жить въ роскоши. Мирза-Якубъ заработанныя деньги тратилъ на ученіе, на пріобрѣтеніе богатой библиотеки, на наемъ учителей, а излишекъ отъ всего этого постоянно высылалъ въ Эривань роднымъ.

Манучаръ же преслѣдовалъ одну цѣль—собирать и накапливать богатство. Фирманомъ шаха товарищество было утверждено и, насколько оно въ началѣ было замкнуто, настолько быстро расширило впослѣдствіи свои операціи. Товарищество посылало своихъ агентовъ и находило корреспондентовъ въ Буширѣ, въ торговыхъ греческихъ городахъ, въ Багдадѣ, Тавризѣ, въ Константинополѣ; черезъ нихъ выписывало разныя мѣстныя, модныя, шелковыя, бумажныя и шерстяныя издѣлія и драгоценные камни; продавало ихъ не только въ гаремъ, но и самому шаху, который одарялъ ими своихъ сыновей и дочерей, при выходѣ замужь.

¹⁾ Главнѣйшій шахскій евнухъ; въ 1820-хъ годахъ въ Гиліани при шахскомъ сынѣ Ягъ-Ча-Мирза онъ управлялъ намѣстничествомъ. (Ср. А. С. Грибоѣдовъ— „О Гиліани“. Пол. собр. соч. Грибоѣдова подъ ред. И. А. Шляпкина. Т. I, С.-Петербургъ 1889 г., стр. 70). Примѣч. переводчика.

Товарищество продавало также сыновьямъ шаха и намѣстникамъ, которые прїѣзжали изъ отдаленныхъ областей, во время новруза ¹⁾, представляться шаху и, по возвращеніи къ мѣсту своего служенія, везли подарки своимъ женамъ. Когда же Хосровъ-хана назначили гиланскимъ правителемъ, товарищество вступило въ торговыя сношенія и съ Россіей, то-есть, съ Астраханью и Макарьемъ, служащимъ мѣстомъ ярмарки для Нижняго, посылая туда шелкъ, шелковыя матеріи и разныя издѣлія съ цѣлью ихъ продать, а мѣстные мануфактурные товары Россіи доставить въ Тегеранъ.

Товарищество просуществовало до 1819 года, а затѣмъ распалось, такъ какъ каждый изъ его участниковъ получилъ то или другое назначеніе: Мирза-Якубъ получилъ должность управляющаго шахскимъ казначействомъ. Онъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, какія издержки имѣеть гаремъ, подводить расходы и деньги на нихъ получать изъ казны по мѣсячно. До его убійства шахъ три раза назначалъ его на эту должность и три раза отставлялъ, такъ какъ одинъ разъ онъ былъ посланъ въ Хоросанъ, правитель котораго вслѣдствіе упущеній въ городахъ не могъ явиться къ новрузу и представить отчеты шаху; Мирза-Якубъ, по приказанію шаха, отправился туда въ качествѣ надсмотрщика (ревизора) за расчетами, получилъ оставшуюся отъ податей сумму и привезъ въ Тегеранъ; другой разъ также командировали его къ ширазскому правителю въ качествѣ бухгалтера.

Такъ какъ главнымъ виновникомъ возмутительнаго убійства русскаго посла А. С. Грибоѣдова и его подчиненныхъ былъ Мирза-Якубъ, то необходимо подробнѣе ознакомиться съ этою личностью. Заранѣе признаюсь, что не намѣренъ обращаться къ официальнымъ документамъ и къ персидской исторіи, которая всегда, съ цѣлью себя оправдать, перекраиваетъ по-своему, а русскіе историки передаютъ то, что въ то время узнали изъ официальныхъ персидскихъ же сообщеній. Я привожу слышанное отъ лицъ, бывшихъ на мѣстѣ происшествія, и отъ очевидцевъ ²⁾, что можетъ представлять большія противорѣчія съ

¹⁾ Новрузъ—начало года, время представленія отчета.

Примѣч. переводчика.

²⁾ Таковыми были Амбарцумъ (онъ же Ибрагимъ-бегъ)—кулакъ русскаго посла, т. е. курьеръ (гонецъ), который, въ этотъ день, будучи въ посольскомъ домѣ, тяжело былъ раненъ и оставался полумертвымъ между убитыми. Но въ полночь почувствовалъ, что еще живъ и, положивъ руку на израненную шею, съ трудомъ добрался до дома одного знакомаго армянина, у котораго и остался до выздоровленія. Онъ до своей смерти получалъ изъ Россіи черезъ тавризскаго консула содержаніе 120 голландскихъ червонцевъ. Армянинъ Якубъ-Султанъ, который въ тотъ день со своими подчиненными солдатами охранялъ посольскій домъ; шахъ-Абдуль-Азимъ—стражъ крѣпости,

официальными корреспонденціями обѣихъ державъ, но предоставляю читателямъ самимъ найти истину.

Когда мать Манучаръ-хана, Ускумъ-ханумъ, отправилась изъ Тифлиса въ Тегеранъ, ее сопровождалъ князь Давидъ Меликянцъ, который приходился ей внукомъ. Въ 1828 году братъ этого послѣдняго, Соломонъ Меликянцъ, сопровождалъ Грибоѣдова. Такъ какъ посольство запоздало въ Тавризѣ, Соломонъ раньше его уѣхалъ въ Тегеранъ и остановился въ домѣ своего дяди Манучаръ-хана, помѣщающемся въ цитадели сзади шахскаго дворца, около, такъ называемой, крѣпости, Шимранъ. Владѣльцы и родные плѣнниковъ, узнавъ о выѣздѣ посла изъ Тифлиса, отправились слѣдомъ за нимъ въ Тегеранъ; но посольство, какъ упомянуто, на время задержался въ Тавризѣ, а потому и они, слѣдуя за нимъ, отыскивали своихъ плѣнныхъ; но что было имъ дѣлать, когда персіяне не желали и отказывались возвращать ихъ¹⁾.

Извѣстіе объ этомъ дошло до Грибоѣдова, который просилъ Аббаса-Мирзу написать своему отцу шаху о недовольствѣ русскаго посла. Шахъ назначилъ Манучаръ-хана и Калантара изъ Тегерана, чтобы, въ случаѣ указанія имъ русскими подданными мѣста жительства плѣнниковъ, они посылали своихъ людей, чтобы привести плѣнниковъ къ себѣ и затѣмъ публично опрашивали: и того изъ плѣнныхъ, который заявитъ желаніе возвратиться, обязательно передавали владѣльцу. Вслѣдствіе этого распоряженія многіе персы стали тайно высылать изъ Тегерана своихъ плѣнниковъ, или въ самомъ Тегеранѣ переводить изъ одного района города въ другой, чтобы замести ихъ слѣды; многіе изъ плѣнныхъ уже впередъ отказывались вернуться на родину, такъ какъ персы съ угрозами заставляли ихъ, въ случаѣ опроса, отвѣчать отказомъ, и пускали въ ходъ тысячу другихъ подобныхъ средствъ, лишь бы не возвращать плѣнныхъ обратно.

Поэтому Манучаръ и Калантаръ не могли исполнить возложенной на нихъ обязанности, главнымъ образомъ потому, что нѣкоторые

казначей армянской церкви Паронъ-Худадатъ. Паронъ-Мелкумъ изъ Тавриза, который былъ агентомъ Мирзы-Якуба и ѣздилъ въ Тегеранъ для сдачи отчетности ему. Сосѣдь посольскаго дома январь (т. е. майоръ) Фаха-бегъ. Тифлисецъ—Иванъ Манташянцъ и Магдесъ-Эго Маркарянъ и другіе, изъ коихъ многіе живы и понынѣ (1883 годъ). Прим. автора.

¹⁾ Въ официальныхъ бумагахъ встрѣчаются рассказы о нѣкоторыхъ случаяхъ; между прочимъ, какъ нѣмецъ изъ Мариенфельда, найдя въ Казбинѣ свою дочь, взятую въ плѣнъ и вышедшую за мужъ за одного сепда, явившись въ Тавризъ, заявилъ Грибоѣдову протестъ, что персъ, владѣлецъ плѣнницы, отказался вернуть ему его дочь. Грибоѣдовъ, какъ только прибылъ въ Казбинъ, приказалъ привести нѣмку и на нѣмецкомъ языкѣ приглашалъ ее вернуться въ Россію къ своему отцу; но она не согласилась. Прим. автора.

изъ плѣнныхъ находились у высокопоставленныхъ лицъ. Манучаръ, видя эти затрудненія, съ офиціальнаго разрѣшенія шаха, отказался отъ даннаго ему порученія и просилъ, чтобы это дѣло было поручено другому.

Когда Грибоѣдовъ вѣзжалъ въ Тегеранъ, персидское правитель-ство приняло его самымъ пышнымъ образомъ, и старожилы говорили: «никогда мы не видывали такого приѣма»; посла встрѣтили у такъ-называемой крѣпости шахъ-Абдуль-Азамъ и отвели помѣщеніе тамъ же въ прекрасномъ и просторномъ домѣ, принадлежащемъ одному шахзадѣ ¹⁾. Этотъ домъ, если считать кривыя улицы, находился, навѣрное, болѣе чѣмъ въ полтора верстахъ отъ царскаго дворца. Разсказывали, что шахъ первый разъ во время приѣма встрѣтилъ Грибоѣдова съ веселымъ и радостнымъ лицомъ и довольно продолжительное время задержалъ его у себя. По выходѣ отъ шаха, посоль, предшествуемый нѣсколькими чинами двора, вошелъ въ большой залъ, гдѣ его ожидали всѣ высшіе сановники (въ числѣ коихъ находился и Мирза-Якубъ). Здѣсь подносили послу сахарную воду, халвіать, чай, кофе и проч. Всѣ бокалы, стаканы и прочая сервировка была изъ чистаго золота. Точно такимъ же образомъ угощали свиту посла и его прислугу въ другихъ комнатахъ, гдѣ ихъ размѣстили по чинамъ; только съ тою разницею, что тамъ сервировка была изъ серебра, вмѣсто золота.

Распорядителемъ всего былъ Манучаръ-ханъ. До выхода посла изъ приемной шаха, нѣкоторые изъ сопровождавшихъ его съ интересомъ осматривали шахскій дворець. Въ числѣ ихъ было трое грузинъ, которыхъ узналъ по одеждѣ Иванъ Манташянцъ. Онъ съ своимъ дядей Хосровъ-ханомъ пришелъ во дворець, желая быть зрителемъ этого роскошнаго приѣма. Манташянцъ подошелъ къ нимъ, познакомился и разспрашивалъ о разныхъ тифлисскихъ новостяхъ. По окончаніи торжествъ и возвращеніи домой, Манташянцъ передалъ Хосрову о своемъ разговорѣ съ грузинами. Послѣдній, сильно разсердившись на него, приказалъ, чтобы послѣ этого онъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ ними. «Этотъ ничтожный, непонятный для меня эпизодъ—говорилъ Манташянцъ—имѣлъ значительныя послѣдствія». Спустя два или три дня послѣ сего Манучаръ-ханъ пошелъ навѣстить Хосровъ-хана. Послѣдній спросилъ Манучара: «неужели не боишься, что разрѣшаешь Соломону (Меликянцу) бывать у посла?» Тотъ отвѣтилъ: «какъ я могу воспретить,

¹⁾ Cp. *Nouvelles Annales des voyages* 1830 г. Relation des évènements qui ont précédé et accompagné le massacre de la dernière ambassade russe en Perse.—„L'ambassadeur descendit dans la belle maison de feu Mohammed Khan Zambor Ekchi Bachi, qui avait été parfaitement arrangée pour lui avec des bains et toutes les commodités imaginables“. Т. 43. Р. 345. П р и м. п е р е в о д ч и к а.

когда они старые знакомые и вмѣстѣ путешествовали изъ Тифлиса до Тавриза». Послѣ этого Хосровъ приказалъ Манташянцу выйти изъ комнаты. Немного спустя пришелъ Мирза-Якубъ, и всѣ трое уединилась и разговаривали продолжительное время.

Затѣмъ, въ домѣ у Манучара или Хосрова эти три лица часто собирались, уединялись и долго-долго бесѣдовали. Манташянцъ прибавилъ: «я замѣтилъ, что у нихъ было какое-то особенное дѣло, но въ чемъ оно заключалось, не могъ догадаться, впоследствии же узнавъ о намѣреніи Мирзы-Якуба вступить подъ покровительство посла и его защиту, тотчасъ понялъ, что это и было причиною ихъ уединенныхъ и тайныхъ бесѣдъ. Отсюда я заключилъ, что возможно и вѣроятно, что Манучаръ и Хосровъ также намѣрены послѣдовать примѣру Мирзы-Якуба, если посоль будетъ въ состояніи помочь ему».

Когда посоль достигъ Тегерана, владѣльцы и родные плѣнниковъ подавали ему тысячи жалобъ; но посла болѣе озабочивало дѣло плѣнниковъ Мазандарана, такъ какъ наибольшее число ихъ было тамъ, ибо еще тогда, когда война официально не была объявлена, кавалерія Мазандарана, которая вела свое происхожденіе отъ Каджара, т. е. изъ племени шаха, неожиданно напала на русскую границу, предала многія селенія огню и, во время набѣговъ, забрала множество плѣнниковъ, которыхъ отсылала въ Мазандаранъ, гдѣ не было ни русскаго консула, ни агента; поэтому-то посоль считалъ невозможнымъ вывести оттуда плѣнниковъ хотя и намѣревался послать консула или туда, или въ Раштъ. Но персидское правительство мѣшало ему въ этомъ, говоря, что въ трактатѣ не упоминается о такомъ условіи.

Хотя мы значительно уклонимся отъ разсказа, тѣмъ не менѣе упомянемъ здѣсь объ одномъ трогательномъ происшествіи, которое имѣетъ прямое отношеніе къ матеріаламъ національной исторіи¹⁾. Одинъ извѣстный ханъ писалъ изъ Мазандарана Хосровъ-хану, что у него есть много плѣнниковъ и плѣнницъ въ гаремѣ или внѣ гарема и, что, «желая послать тебѣ въ подарокъ одну плѣнницу, за цѣломудріе которой ручаюсь, выбралъ эту восьми или девятилѣтнюю плѣнницу, по имени Диль-Фрушъ, которую посылаю вамъ въ подарокъ» и пр. Эта плѣнница красивая, смышленная и говорунья, въ короткій промежутокъ времени выказала удивительную симпатію къ Хосровъ-хану, также и этотъ послѣдній полюбилъ ее, какъ свою дочь.

Манташянцъ разсказывалъ, что когда Хосровъ-ханъ бывалъ дома, Диль-Фрушъ (т. е. радость сердца) не отходила отъ него, и ханъ также любилъ съ нею говорить, шутить и слушать ея остроумные разсказы;

¹⁾ Рѣчь идетъ объ армянской національной исторіи.

онъ заказаль для нея нѣсколько паръ разныхъ платьевъ; кромѣ того подарилъ ей 20 золотыхъ монетъ для ожерелья и 20 для лобной повязки. Мирза-Якубъ также подарилъ ей нѣсколько перстней съ драгоценными камнями; и онъ каждый разъ, приходя къ намъ, приносилъ для нея подарокъ и обучалъ 3-мъ армянскимъ словамъ. Диль-Фрушъ не переносила ни одного магометанина—говорилъ Манташянцъ; отъ нихъ она не принимала ни фруктовъ, ни сластей; увидя ихъ, она недовольная убѣгала, какъ молнія, и скрывалась или за ханомъ или за мною и молчала. Сколько мы ни заговаривали съ нею, заставляли отвѣчать на наши вопросы, она, заупрямившись, не давала отвѣта. Наоборотъ, когда къ намъ приходили Манучаръ-ханъ, Зурабъ-ханъ и другіе армяне или грузины-плѣнники, она безъ зова сама прибѣгала, подходила, разговаривала съ ними; своими наивными, но остроумными рассказами смѣшила и удивляла ихъ. Иногда приходили такіе персы, которыхъ Диль - Фрушъ не видала, и отъ нихъ тѣмъ не менѣе убѣгала. Хосровъ-ханъ, смѣясь, спрашивалъ: «Диль-Фрушъ, почему ты отличаешь, что одинъ турокъ, а другой христіанинъ, когда мы сами не можемъ ихъ отличать?»—«Видно, отвѣчала она, что въ вашихъ глазахъ нѣтъ свѣта и въ вашемъ носу нѣтъ обонянія». Однажды изъ Шамхора пришелъ армянинъ въ домъ хана и сначала, встрѣтивъ меня—разсказывалъ Манташянцъ—спросилъ: «слыхалъ ты, что здѣсь есть одна армянка, можетъ быть, она моя родственница, прошу покажите мнѣ ее».

Я пошелъ дать знать хану, который вмѣстѣ съ Диль-Фрушъ вышелъ изъ комнаты.

Диль - Фрушъ, увидѣвъ шамхорца, растерялась, поблѣднѣла, бросалась съ мѣста на мѣсто, вдругъ остолбѣнѣла, сдвинула брови, прищурилась и стала пристально смотрѣть ему въ лицо. Шамхорецъ подошелъ къ Диль-Фрушъ и со слезами на глазахъ сказалъ: «Назлу-джанъ ¹⁾), Назлу-джанъ»... Но она, испугавшись, на нѣсколько шаговъ отступила назадъ и стала по другую сторону хана и не сводила глазъ съ него. Шамхорецъ вновь началъ къ ней приближаться и сталъ доставать фрукты изъ кармана для передачи Диль-Фрушъ; она, отвергнувъ, подалась назадъ, отошла въ сторону хана и, подобно коту-воришкѣ, выпучивъ глаза, смотрѣла на него. Въ это время ханъ смѣялся и говорилъ: «Диль-Фрушъ, не бойся, не убѣгай» и, когда я глазомъ и головой далъ знакъ, чтобы она приняла сласти, Диль-Фрушъ, тихо подойдя, приняла сласти; опять хотѣла двинуться назадъ, но шамхорецъ, схвативъ ея руку и прослезившись, сказалъ: «Назлу-джанъ, Назлу-джанъ!» при этомъ прибавилъ: «узнаешь твоего аму-

¹⁾ Назлу—христіанское имя Диль-Фрушъ, а „джанъ“ выражаетъ слово дупечка.

жана (т. е. дядю), ахъ! вѣдь я твой амуджанъ, готовъ на все для тебя; Назлу-джанъ, умоляю тебя, подойди же, подойди же ко мнѣ». При этихъ словахъ лицо Назлу вдругъ приняло цвѣтъ абрикоса, потомъ покраснѣло, какъ пунцовая роза, и она расплакалась навзрыдъ. Когда же шамхорецъ рѣшительно привлекъ ее къ себѣ, приласкалъ ее, заключилъ въ свои объятія и горячо поцѣловалъ, Назлу не цѣловала его руки, а прямо лизала и приговаривала: «амуджанъ, амуджанъ». При этомъ невыразимо трогательномъ зрѣлищѣ даже присутствующіе мусульмане отирали слезы. Рассказывая это, Иванъ Манташянцъ, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ, прослезился. «Въ теченіе трехъ недѣль» — рассказывалъ онъ — «шамхорецъ каждый день посѣщалъ нашъ домъ, желая повидаться съ Назлу, и каждый разъ приносилъ сласти, чтобы ими расположить ее къ себѣ.

«Особенно памятенъ тотъ день, тотъ часъ и та минута, когда Назлу-Диль-Фрушъ должна была проститься съ нами. Узнавъ объ этомъ, нѣкоторые изъ плѣнниковъ-армянъ приходили нарочно навѣстить хана. Къ ранѣ подареннымъ нарядамъ ханъ присоединилъ еще одну кашемировую шаль, нѣсколько драгоценныхъ перстней, серегъ, булавокъ и др., множество шелковыхъ и шерстяныхъ тканей, ковровъ, при чемъ сказалъ шамхорцу, чтобы они спрятали все это для приданого Диль-Фрушъ; далъ также тюкъ сушеныхъ сластей, одну верховую лошадь и 50 тумановъ деньгами. Мирза-Якубъ подарилъ отъ себя хорошаго коня и деньгами 10 тумановъ. Другіе также подарили шаль и куски шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, теперь не припомню, кто изъ нихъ, что далъ.

«Тихая и грустная Назлу подходила при прощаніи ко всеѣмъ присутствующимъ гостямъ, цѣловала руку; вотъ подошла къ Хосровъ-хану, тутъ же стоявшему; рыдая, вся въ слезахъ, припала она къ его ногамъ, попеременно цѣловала ихъ, приговаривая «ханъ-джанъ, ханъ-джанъ». Хосровъ-ханъ насильно ее приподнялъ и, плача, началъ цѣловать въ лицо; тогда Назлу слезами покрыла его руки и, вновь неожиданно припавъ къ его ногамъ, обняла ихъ и стала осыпать поцѣлуями». Въ этомъ мѣстѣ, при рассказѣ, у Манташянца показались крупныя слезы на глазахъ, и онъ заплакалъ; черезъ минуту онъ продолжалъ: «изъ присутствующихъ никто не могъ удержаться отъ слезъ. Шамхорецъ и я съ трудомъ отняли Назлу отъ ногъ хана и, на рукахъ отнесли ее въ ту улицу, гдѣ ожидали насъ готовые лошади. Когда ее хотѣли посадить на лошадь, она жалобно, со слезами умоляла Яхья-бега (такъ звали Ивана Манташянца): «амуджанъ, прошу еще разъ, разрѣшите пойти послѣдній разъ поцѣловать ноги хана, а потомъ пуститься въ путь». Это еще болѣе растрогало и разжалобило присутствующихъ. Плача и рыдая, она побѣжала, припала къ ногамъ хана, восклицая: «ханъ-

джанъ, не забывай меня, я прахъ ногъ твоихъ»... Три человѣка съ трудомъ могли оторвать ее, отвести и посадить на коня. Такъ Диль-Фрушъ,—«радость сердца»,—въ тотъ же день для всѣхъ превратилась въ «печаль сердца».

«Ханъ приказалъ мнѣ, говорилъ Яхья-бегъ, послать за Назлу-Диль-Фрушъ нѣсколько фарашей (служителей), чтобы они проводили ее до каравана, ушедшаго уже часъ тому назадъ. Я, хорошо зная манеру служителей, не понадѣялся на нихъ, а приказалъ осѣдлать пять коней и самъ съ четырьмя служителями догналъ караванъ и проводилъ незабвенную «радость сердца» до станціи Кіараджъ; поручилъ ее вожаку каравана, попросилъ беречь ее въ дорогѣ и вернулся».

Вернемся и мы къ нашему Мирзѣ-Якубу. Его, какъ христіанна-фанатика, не могла прельщать блестящая слава и почетъ, а потому онъ всегда думалъ оставить это обманчивое и непрочное положеніе и сдѣлаться виднымъ человѣкомъ на своей родинѣ, которая находилась подъ властью христіанскаго царя; тамъ онъ могъ бы свободно исповѣдывать свою религію.

Когда русскій посольскій прибылъ въ Тегеранъ, Мирза-Якубъ искалъ повода съ нимъ познакомиться, чтобы объявить ему свою сокровенную тайну. Его знакомые и тотъ же Хосровъ-ханъ впоследствии рассказывали, что когда возникъ вопросъ о двухъ армянкахъ-плѣнницахъ, находящихся въ гаремѣ Аллаяръ-хана (который въ то время исправлялъ обязанности садръ-азама), шахъ въ качествѣ легата послалъ къ Грибоѣдову Мирзу-Якуба переговорить о плѣнницахъ. Воспользовавшись этимъ, онъ только тогда объявилъ послу о своихъ убѣжденіяхъ и намѣреніи. А сколько знатныхъ лицъ, не посвященныхъ въ смыслъ этой миссіи, по свойственной персамъ привычкѣ, клеветало на Мирзу-Якуба, утверждая, будто-бы онъ сообщилъ послу о томъ, что вышеупомянутыя плѣнницы находятся въ гаремѣ Аллаяръ-хана! Нѣсколько дней спустя Якубъ ночью отправился въ посольскій домъ съ цѣлью остаться тамъ; но посольскій сказалъ ему: «не могу принять тебя тайно ночью, такъ какъ всѣ мои дѣла должны быть извѣстны и явны; поэтому иди теперь, хорошенько подумай и если дѣйствительно желаешь вернуться на родину, приходи въ другой разъ днемъ, чтобы я могъ принять тебя подъ свою защиту».

Якубъ возвратился, но на слѣдующій день съ разсвѣтомъ, спустя часъ или два, вмѣстѣ съ своимъ братомъ и двумя плѣнниками-армянами пришелъ опять въ посольскій домъ. Въ тотъ же день главнымъ предметомъ для разговора въ Тегеранѣ былъ переходъ Мирзы-Якуба подъ русское знамя; этому факту многіе не вѣрили, говоря, что Якубъ не оставитъ славы и почета изъ-за такой перемѣны. На второй день посольскій отправилъ одного изъ служителей посольства вмѣстѣ съ слугами

Якуба, чтобы они принесли имущество послѣдняго, которое было помѣщено въ семи ящикахъ. Навьючивъ семь муловъ, слуги хотѣли вывезти ихъ изъ дворца, но люди Манучарь-хана запретили это и задержали ихъ у себя. На слѣдующій день посольство отправилъ официально драгомана посольства Мирзу-Наримана Меликъ-Шахназарянца спросить Манучарь-хана о причинѣ запрета и задержанія. Послѣдній отвѣтилъ: «я воспретилъ, въ силу шахскаго приказа, и муловъ съ семью ящиками послалъ садръ-азаму». Драгоманъ обратился къ садръ-азаму; но тотъ отвѣчалъ, что Якубъ, какъ бывший казначей и экономъ шахскаго гарема, долженъ казнѣ; кромѣ того у него была масса драгоценныхъ вещей и нарядовъ, принадлежащихъ гарему; поэтому согласно приказу шаха они и арестовали его имущество.

Посольство сообщило объ этомъ извѣстїи Якубу, который отвѣтилъ: «все это ложь и клевета, такъ какъ ровно годъ, какъ я отстраненъ отъ этой должности. Поэтому если какіе счета и имѣли со мною, то почему же не кончали до сего дня. На службѣ я въ разное время получалъ суммы изъ казны, но, по отстраненїи отъ должности, покончилъ счета, въ чемъ имѣю квитанціи, которыя находятся въ ящикахъ; могу показать ихъ, кому пожелаете. Во-вторыхъ, передавая драгоценности и дорогіе наряды въ гаремъ, гардеробмейстеръ или казначей получаетъ квитанціи въ приемъ отъ получателя; поэтому, если они имѣютъ отъ меня одно такое обязательство, пусть предъявятъ, и я отвѣчу. Неужели же въ теченіе цѣлаго года они ни разу не хватились нарядовъ и драгоценныхъ вещей, ежедневно нужныхъ для гарема».

На слѣдующій день посольство поручило драгоману посольства Мирзѣ-Нариману отправиться вмѣстѣ съ Мирзою-Якубомъ въ домъ Манучарь-хана, гдѣ было нѣсколько лицъ, официально назначенныхъ отъ шахскаго двора для разбора этого дѣла. Здѣсь выяснилось, что захваченные отъ Мирзы-Якуба ящики, действительно, Манучаръ отправилъ во дворецъ, гдѣ ихъ поставили въ одной комнатѣ, и дверь запечатали его печатью; но затѣмъ въ тотъ же день ночью во дворецѣ распорядились сорвать печать съ дверей комнаты безъ вѣдома Манучара и вынули изъ ящиковъ вещи, какія хотѣли. Нариманъ, усомнившись въ показанїи, возвратился вмѣстѣ съ Якубомъ. Это былъ уже важный фактъ, что во дворецѣ, узнавъ о существованїи квитанцій въ ящикахъ Якуба, безъ вѣдома Манучара сорвали его печать съ дверей, можетъ быть, съ цѣлью вынуть оттуда квитанціи, а если окажутся,—и другіе оправдательные документы. На самомъ дѣлѣ, такъ и случилось: изъ имущества Якуба почти половины не оказалось въ ящикахъ. Посольство, видя, что это дѣло осложнилось, послало къ садръ-азаму перваго секретаря посольства Мальцева, драгомана Мирзу-Наримана и Мирзу-Якуба. Официальные переговоры въ этотъ день вызвали смуту между представи-

телями обѣихъ сторонъ: такъ вскрытіе ящиковъ Якуба и изытіе оттуда документовъ Мальцевъ называлъ сперва нападеніемъ и насиліемъ, а затѣмъ даже воровствомъ, которое приписывалось придворнымъ, конечно, поощрявшимъ находившихся тамъ персовъ. Тогда Манучаръ-ханъ отказался отъ участія въ этой комиссіи, чтобы впослѣдствіи не быть причастнымъ къ этому дѣлу. Въ тотъ же день Манучаръ-ханъ отправился къ Хосровъ-хану. Бывшій при этомъ Манташянцъ рассказывалъ: «они уединились, я же сталъ за дверью съ цѣлью подслушать ихъ, такъ какъ переѣздъ Якуба въ посольство меня сильно интересовалъ; я желалъ во что бы то ни стало что-нибудь узнать объ этомъ происшествіи. Манучаръ-ханъ сказалъ Хосровъ-хану, что причину сегодняшняго отказа отъ участія въ комиссіи онъ выставилъ, будто его обидѣли слова, произнесенныя Мальцевымъ; но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что русское посольство теперь имѣетъ явное доказательство для выясненія истины, а тотъ, кто окажется соумышленникомъ правды, во что бы то ни стало, будетъ сочтенъ за врага Ирана; онъ не желаетъ приобрести этого имени. Тѣмъ не менѣе, если бы онъ былъ на мѣстѣ Мальцева, то сказалъ бы, что «я не знаю имени вашему поступку, научите меня такому слову, которымъ я могъ бы назвать этотъ поступокъ, чтобы просить васъ извиниться въ немъ». Итакъ, случилось, что въ этомъ происшествіи не только шахъ, но и занимающія высшіе посты лица были виновны; они не только не запрещали распространять въ городѣ разные нелѣпые слухи, и не обнаруживали истины, чѣмъ успокоили бы умы, но, наоборотъ, распространяли сами невѣроятныя легенды; напримѣръ, будто Якубъ выругалъ мусульманскую религію, чему каждый, услышавшій эти слова, еще болѣе поражался и возмущался. Конечно, распространители этой клеветы и нелѣпыхъ слуховъ имѣли свои расчеты: создать возмущеніе, не возвращать плѣнниковъ и запугать посла, чтобы онъ болѣе не домогался ихъ выдачи.

Цѣль большинства заключалась въ этомъ, а не въ беспорядкахъ, дошедшихъ до убійства людей и даже изувѣченія и смерти посла, что по шитскому ученію магометанской религіи считается неизгладимымъ смертнымъ грѣхомъ. Итакъ, переговоры по вышеприведенному происшествію между иранскимъ дворомъ и посольствомъ продолжались недѣлю, но они ни къ чему не привели, такъ какъ требованія персидскаго правительства отъ Якуба были совершенно нелѣпы, въ чемъ шахскій дворъ не хотѣлъ признаться; посольство же строго требовало, чтобы не только наличное имущество Якуба было возвращено, но и пропавшее, то-есть квитанціи, отчеты, драгоценныя камни, ткани и особенно рѣдкія рукописи, гдѣ бы онѣ ни были, были собраны.

Дворъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи, такъ какъ

назначенными для открытія ящикова людьми было присвоено много вещей; или, говоря проще, было украдено и унесено, а теперь вли становилось невозможнымъ собрать и раскрыть, кто что взялъ, такъ какъ виновные скрылись отъ гнѣва шаха, или дворъ самъ не хотѣлъ собирать, не желая получить названія воровъ.

Среди этихъ обстоятельствъ наступило 29-е января 1829 года. День былъ воскресный. Праздношатающаяся толпа, возбужденная и взволнованная, въ предшествіи, а быть можетъ, и подстрекаемая, нѣсколькими разсвирѣпѣвшими муллами и сеидами, явилась въ мечеть къ Имамъ-Зумѣ - Мулла - Мсеху и предложила слѣдующій вопросъ: «какъ слѣдуетъ, по шаріату, поступить съ тѣмъ, кто былъ уже мусульманенъ и вновь вернулся къ своей прежней религіи?» Мулла-Мсехъ отвѣтилъ: «его слѣдуетъ убить». Эти-то три слова и послужили поводомъ къ извѣстной трагедіи. Нѣкоторые говорили, будто Имамъ-Зумѣ спросилъ, кто этотъ вѣроотступникъ? Изъ толпы отвѣчали, это—евнухъ Мирза-Якубъ. Имамъ-Зумѣ спросилъ: «вы слышали изъ его устъ объ отступленіи отъ мусульманства». Толпа отвѣтила—«нѣтъ». «Итакъ»—сказалъ вновь Имамъ-Зумѣ—«вы должны были собственными ушами услышать отъ него или должны были слышать трое лицъ, заслуживающихъ довѣрія, чтобы быть свидѣтелями, а потомъ уже этотъ вопросъ предлагать мнѣ». Были и такіе, которые говорили, что изъ среды толпы вышло нѣсколько лицъ и удостовѣрили, будто слышали собственными ушами, какъ Якубъ произнесъ это отреченіе. Другіе говорили, будто именно подстрекатели-муллы пошли и изъ шахскаго дворца привели къ Муллѣ-Мсеху людей, засвидѣтельствовавшихъ, что они присутствовали на одномъ частномъ собраніи, когда Якубъ обругалъ мусульманство, сказавъ: «я принялъ христіанство». Увѣряли, будто мулламъ и сеидамъ свыше было внушено проводить толпу до посольскаго дома и тамъ научить, что и какъ кричать, но внутрь не входить и никому вреда не причинять, пока изъ дворца не придуть разсѣять толпу, чтобы посоль только испугался и не предъявлялъ строгихъ требованій о плѣнникахъ. Но высочайшій дворъ не смогъ своевременно прислать помощи, а потому вопреки его желанію произошло печальное происшествіе и избіеніе.

Какъ бы то ни было, но доказано, что толпа, услыхавъ отъ Муллы-Мсеха вышеописанное рѣшеніе, согласно инструкціи сопровождавшихъ ее муллъ, въ тотъ же день разсѣялась, чтобы на слѣдующій день собраться въ оградѣ мечети Имама-Зумѣ. Главные бунтари отправились на базаръ, ходили изъ магазина въ магазинъ, обходили каравансарай и наказывали на слѣдующій день не открывать ни магазиновъ, ни каравансарая, а собраться въ оградѣ мечети Имама-Зумѣ; въ противномъ

случаѣ, если кто откроетъ магазинъ или каравансарай, то его имущество и все тамъ находящееся будетъ уничтожено.

Теперь опишемъ дворецъ или такъ-называемый посольскій домъ. Въ какомъ печальномъ видѣ былъ онъ въ то время, когда ввелъ меня туда армянинъ Якубъ Султанъ въ 1852 году ¹⁾, когда я былъ въ Тегеранѣ. Онъ показалъ мнѣ сѣни, комнаты, подробно рассказывалъ, какой эпизодъ, гдѣ произошелъ, такъ какъ онъ въ тотъ день былъ въ посольскомъ домѣ, какъ я выше упомянулъ. Домъ былъ расположенъ около рва крѣпостной ограды; его главный входъ приходился съ запада надъ рвомъ. Передъ главнымъ входомъ была сдѣлана полукругомъ, то-есть, лунообразно, площадка, которая какъ бы сливалась съ улицей, чтобы у входа и во рву можно было многимъ свободно собраться и поставить лошадей. Черезъ главные высокія и широкія ворота входилъ плохенькимъ, полумрачнымъ темнымъ проходомъ — длиною въ 50 шаговъ — внутрь въ передній дворъ. Правая сторона этого прохода — кирпичной стѣны — во время беспорядковъ мѣстами была пробита, а въ кирпичномъ сводчатомъ потолкѣ сдѣлана масса отверстій, черезъ которыя проникали лучи солнца, отбѣняя еще больше печальную картину. Выйдя изъ передняго двора, вступаешь въ четырехугольный просторный внутренний дворъ, въ центрѣ котораго находится большой полуразрушенный изъ тесаннаго камня высохшій бассейнъ, узкія дорожки съ четырехъ сторонъ котораго указывали, что когда-то этотъ дворъ былъ разбитъ на четыре части, на четыре цвѣтника, которые теперь поросли дикою заглохшей травой. По четыремъ сторонамъ этого двора были выстроены одноэтажныя большія и малыя комнаты, двери безъ створа, окна безъ рамъ, известка на потолкахъ тутъ и тамъ обсыпалась, мѣстами балки совершенно сгнили, обрушились или искривились. Въ комнатахъ видны куски земли, обросшіе дикими, печальными, будто одѣтыми въ трауръ травками, которыя выросли и засохли; вновь выросли и вновь засохли... Все это наводило тоску на душу и сердце зрителя. Въ комнатахъ на южной сторонѣ этого двора и пребывалъ нашъ Мирза-Якубъ Маркарянъ.

Изъ этого двора направляясь на востокъ, выходишь черезъ маленькую дверь и вступаешь въ другой дворъ — гаремъ, который, какъ и первый, построенъ четырехугольникомъ, съ комнатами въ одинъ этажъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ, но поменьше, также обрушившимися и разоренными. Здѣсь, на стѣнахъ нѣкоторыхъ комнатъ до сихъ поръ еще оставались куски зеркалъ и были нарисованы масляными красками

¹⁾ Домъ этотъ, повидному, былъ еще цѣлъ и въ 1853 году. (См. А. Берже. Смерть А. С. Грибоѣдова. „Русская Старина“ 1872 г. августъ, стр. 170, прим. А. Б.). „Въ бытность мою, въ 1853 г., въ Тегеранѣ, въ домѣ, гдѣ жилъ Грибоѣдовъ, помѣщалась верблюжья артиллерія“. П р и м. п е р е в о д ч и к а.

цвѣты, различныя птицы и животныя. Все показывало, что этотъ дворъ, когда-то служилъ для знатныхъ людей, какъ роскошный, красивый гаремъ. Посерединѣ этого двора росъ одинокій тополь; безъ воды онъ пожелтѣлъ и лишился зелени, многія вѣтви засохли, и онъ, точно въ глубокомъ горѣ, являлся безмолвнымъ свидѣтелемъ, напоминавшимъ чело-вѣку о давно минувшей, ужасной кровавой бойнѣ. Отсюда попадаешь въ третій дворъ черезъ тѣсную и низкую дверь; но этотъ дворъ значительно меньше двухъ предыдущихъ. На его южной сторонѣ находилось только одно зданіе, состоящее изъ шести комнатъ; три внизу и три во второмъ этажѣ, гдѣ Грибовъдовъ отдыхалъ, спалъ и занимался корреспонденціей или чтеніемъ.

Съ середины двора была сдѣлана одна узкая съ высокими ступенями лѣстница для входа въ верхнія комнаты. Обродная толпа въ дьявольскомъ бѣшенствѣ разрушила балки верхнихъ комнатъ, мѣстами просверлила потолки, проникла во внутрь, убила посла, отрѣзала ему голову и руки и бросила; затѣмъ выбѣжала во дворъ и разграбила имущество, находившееся въ комнатахъ. Мы хотѣли подняться по этой лѣстницѣ наверхъ, войти въ комнаты и осмотрѣть ихъ, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ ступеньки лѣстницы были полны щебня и было очень скользко; особенно балки потолковъ были навалены въ беспорядкѣ; мы не могли пролѣзть подъ ними и потому вернулись назадъ. По серединѣ этого двора мѣстами я останавливался и, какъ бы остоленѣвъ, устремлялъ взоры на разрушенное печальное зданіе, потому молча вышелъ вонъ. При выходѣ Якубъ-Султанъ рассказывалъ о разныхъ происшествіяхъ: о послѣ, объ его храбрыхъ казакахъ, но чувства и мысли были спутаны, и я ничего не могъ понять.

Въ понедѣльникъ, 30-го января, едва забрезжилось, какъ дали знать Манучаръ-хану, что нѣсколько муллъ и сеидовъ ходятъ по базару и запрещаютъ открывать лавки, говоря, что «сегодня нужно идти въ посольскій домъ, насильно взять Мирзу-Якуба-вѣроотступника и изрубить его въ куски». Манучаръ приказалъ разбудить Соломона Меликянца и послалъ его въ посольскій домъ—сказать послу, что пока базаръ еще не открылся весь и толпа не успѣла соединиться, пусть онъ пошлетъ Мирзу-Якуба съ нѣсколькими людьми въ мечеть шахъ-Абдуль-Азима, откуда никто не осмѣлится взять его или напасть на него. А то если толпа соберется и пойдетъ на посольскій домъ, правительство не будетъ въ состояніи помѣшать и отразить ея страшное нападеніе, даже если бы подвергся опасности посольскій домъ. Соломонъ, дойдя до посольскаго дома, узналъ, что Грибовъдовъ еще спитъ. Никто не осмѣливался его разбудить, но Соломонъ неотступно настаивалъ, чтобы прислуга разбудила его. Спустя довольно продолжительное время, посла, наконецъ, разбудили.

— Если кто-нибудь, а особенно русско-подданный, приходитъ подъ русское царское знамя и находится подъ его покровительствомъ, ска- залъ посоль Соломону, я не могу его выгнать изъ посольскаго дома; но, если Якубъ самъ добровольно уйдетъ, я мѣшать не буду.

Соломонъ отправился къ Мирзѣ-Якубу и увѣщевалъ, чтобы онъ исполнилъ предложеніе Манучарь-хана, но тотъ отвѣчаетъ: «я пришелъ и отдался сильному русскому знамени, поэтому, если посоль выгонитъ меня изъ посольскаго дома, пойду въ мечеть шахъ-Абдуль-Азима; въ противномъ случаѣ я своею волею отсюда не выйду; если бы даже меня здѣсь изрубили въ куски, я съ радостью готовъ умереть».

Соломонъ возвратился къ Манучару и сообщилъ о переговорахъ, которые велъ въ посольствѣ. Манучаръ вновь послалъ Соломона ска- зать послу, что Манучарь-ханъ ручается черезъ нѣсколько дней благо- получно взять Мирзу-Якуба отъ шахъ-Абдуль-Азима—хранителя не- прикосновенности мусульманскихъ завѣтовъ и въ случаѣ желанія до- ставить къ нему или въ Тавризъ, къ консулу, но только пусть слушается и отправить Якуба къ хранителю завѣтовъ, пока толпа не направи- лась на посольскій домъ. Посоль и этого предложенія не принялъ. Тогда Соломонъ вновь обратился къ Якубу, чтобы тотъ вышелъ добро- вольно изъ посольскаго дома и, хоть бы съ нимъ, то-есть съ Соломо- номъ, отправился къ хранителю завѣтовъ; но Якубъ спокойно, не сму- щаясь, отважно повторялъ то, что и прежде отвѣчалъ. Соломонъ уже хотѣлъ идти сообщать о результатахъ переговоровъ Манучарь-хану, какъ встрѣтилъ во внутреннемъ дворѣ Авраама Дадашянца—астраханца, ночью прибывшаго сюда. Онъ долгое время прослужилъ въ Персіи при русскомъ посольствѣ и хорошо зналъ характеръ и обычаи пер- совъ; онъ оставался въ Тавризѣ, чтобы привезти грузъ для посольства, и въ прошлую ночь около двухъ часовъ прибылъ въ Тегеранъ. Поэтому Соломонъ, увидѣвъ его, очень обрадовался и, вкратцѣ рассказавъ сущ- ность дѣла, попросилъ, уговорить посла—принять предложеніе Ману- чарь-хана. Дадашянецъ пошелъ просить посла, но посоль удивился, ска- завъ: «въ такомъ дѣлѣ твое вмѣшательство совершенно лишне, запре- щаю тебѣ вмѣшиваться не въ свое дѣло, какъ это ты дѣлалъ при моихъ предшественникахъ».

Соломонъ, услыхавъ отъ Дадашянца приведенныя слова, возвратился и сообщилъ Манучару.

Не прошло и полъ-часа послѣ ухода Меликянца, какъ сбродная толпа съ ревомъ и крикомъ подошла къ посольскому дому, но не осмѣ- лилась войти внутрь. Посоль же, замѣтивъ происшедшее, приказалъ казакамъ и коннымъ солдатамъ изъ грузинъ взять оружіе, при чемъ одной части остаться на переднемъ дворѣ, а другой подняться на крышу

и тамъ стоять ¹⁾. Затѣмъ велѣлъ запереть главные ворота; такъ какъ толпа постепенно увеличивалась, скоплялась и время отъ времени издавала неистовые крики «аллахъ, аллахъ», но никому еще не причиняла вреда. Въ самомъ дѣлѣ, толпа, какъ уже сказано, была подговорена муллами и сеидами съ цѣлью запугать посла; поэтому бродяги и оборванцы начали черезъ посланнаго требовать, чтобы вывели изъ посольства Мирзу-Якуба, иначе они разломають ворота посольскаго дома, войдутъ внутрь и, вырвавъ Якуба изъ ихъ рукъ, выведутъ вонъ; но муллы и сеиды грозили имъ и удерживали ихъ отъ такого поступка. При дворѣ, узнавъ о затѣяхъ толпы, распорядились, чтобы нѣсколько шахзаде ²⁾ отправились туда убѣдить и разогнать ее; но пока шахзаде умывались, одѣвались, сѣдлали коней и собирали прислугу, прошло много времени, и они пришли, уже когда имъ дѣлать было нечего ³⁾. Тутъ немного остановимся. Участвовавшіе ⁴⁾ въ этомъ грустномъ происшествіи и очевидцы рассказывали, что вооруженные русскіе солдаты, стоя на крышѣ корридора, завтракали; принесли вино и, выпивая, поднимали стаканы, будто пьютъ за здоровье другъ друга. Одинъ изъ нихъ вызывающимъ образомъ, держа стаканъ въ рукѣ, сдѣлалъ знакъ толпѣ, какъ бы приглашая придти выпить.

Раздраженная этой выходкой толпа хотѣла подняться на крышу со стороны конюшни (которая была ниже) и на мѣстѣ убить ихъ; но муллы и сеиды, сдерживая толпу, не позволили ей устремиться туда. Вѣроятно слухъ, будто муллы эти собрали толпу, согласно приказу отъ двора, и знали, что шахзаде должны были придти, поэтому и не допускали, быть можетъ, ожидая ихъ. Когда русскіе солдаты окончили свой завтракъ, вдругъ раздался звукъ отъ выстрѣла изъ ружья или пистолета, и въ толпѣ, на разстояніи 20 или 25 шаговъ къ югу

¹⁾ Вмѣстѣ съ ними было нѣсколько лицъ изъ армянъ, пришедшихъ за плѣнниками.

Прим. переводчика.

²⁾ Принцевъ.

³⁾ Исторія Каджаровъ передаетъ, что „шахзаде пошли, много просили толпу разойтись, но толпа ихъ не послушалась и пр. и пр.“ Изъ лицъ, бывшихъ на мѣстѣ, никто этого не удостовѣрилъ; поэтому и написанное въ исторіи Каджаровъ—вымысел.

Прим. автора.

⁴⁾ Въ Тегеранѣ многіе персы, бывшіе на мѣстѣ происшествія, и очевидцы не только рассказывали съ хвастовствомъ объ этомъ происшествіи, и не боялись говорить, что сами участвовали въ этой рѣвнѣ; даже поименно называли тѣхъ, кто что сдѣлалъ въ этотъ день и что вытерпѣлъ и кто былъ изъ муллъ и сеидовъ, указывая для примѣра на ага-Миръ-Асада изъ Казвани, Сеидъ-Муртаза изъ Зеандяна, муллу-Махмудъ-Боландриша, муллу-Саманда-Морисхана и другихъ.

Прим. автора.

отъ главныхъ воротъ, одинъ 15 или 16-лѣтній юноша оказался раненымъ.

Тогда чернь оставила главные ворота посольскаго дома и въ гнѣвѣ, съ яростью и звѣрскимъ шумомъ и крикомъ окружила юношу, а черезъ нѣсколько минутъ прошелъ слухъ, что раненый уже испустилъ духъ.

Въ этотъ моментъ, къ несчастію, Соломонъ Меликянцъ верхомъ, окруженный служителями и лакеями Манучаръ-хана изъ персовъ, появился съ южной стороны, гдѣ былъ раненъ и испустилъ духъ юноша. Онъ вѣхалъ отъ Манучаръ-хана сказать послу, что шахзаде идутъ разсѣять толпу, поэтому и посолъ хорошо поступилъ бы, передавъ Якуба шахзаде, чтобы благодаря этому толпа успокоилась и была бы вынуждена повиноваться имъ; но если бы и случилось затѣмъ что-нибудь съ Якубомъ, пусть это произойдетъ внѣ посольскаго дома. Освирѣпѣвшая толпа, думая, что Соломонъ—чиновникъ посольства, такъ какъ онъ былъ одѣтъ въ посольскую форму, напала на него со всѣхъ сторонъ, стащила съ коня, избила его и потащила къ тому мѣсту, гдѣ былъ раненъ и скончался юноша. Ударами кулаковъ и палокъ Соломонъ былъ убитъ.

Послѣ этого муллы и сеиды, потерявъ свое вліяніе, не въ состояніи были уже сдерживать толпу. Впослѣдствіи говорили, что никто не зналъ, какимъ путемъ проникла толпа въ посольскій домъ, такъ какъ, хотя она, взломавъ главные ворота, и открыла ихъ, однако внутри находящаяся стража изъ персовъ со своимъ начальникомъ (во главѣ ея былъ Якубъ-Султанъ изъ армянъ), успѣла ихъ выгнать и вновь запереть ворота ¹⁾. Толпа, мучительнымъ образомъ убивъ Соломона, съ страшнымъ ревомъ и мятежнымъ крикомъ: «джихате-джихатъ», то-есть, релігіозный походъ, обратившись къ посольству, кричала: «невѣрующія собаки должны околѣть и подобно имъ должны быть избиты!»

Довольно продолжительное время мятежники пытались сокрушить главный створъ, но не могли сдѣлать ничего, такъ какъ сзади разношерстая толпа стала каменнымъ градомъ закидывать посольскій домъ. Тѣмъ временемъ съ рынка и откуда-то еще принесли большіе молотки, въ родѣ мотыгъ и заступы и со страшнымъ трескомъ проломали ворота. Къ этому шуму присоединился неистовый крикъ черни, отчего городъ пришелъ въ ужасъ. Толпа, подобно неудержимому по-

¹⁾ Якубъ-Султанъ говорилъ, что „посольство заподозрило персидскую стражу, но почему, не помню. Русскіе насъ могли быстро выгнать изъ зданія посольства, если бы не боялись раскрыть ворота, и когда толпа собралась около раненаго Соломона, русскіе нашли удобный случай быстро открыть ворота и выгнали насъ. Допустимъ, что солдаты были персы, ихъ могли подозрѣвать, но я же былъ христіанинъ и сильно расположенъ къ нимъ“.

току, наполнила проходъ въ посольство, но казаки, армяне и грузины съ отчаянной храбростью довольно продолжительное время оказывали сопротивление, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ были ранены, а другіе убиты. Такимъ образомъ посольская стража не позволяла толпѣ вступить въ слѣдующій дворъ; но когда замѣтила, что толпа съ крыши перваго двора спустилась по стѣнамъ, то стража посольства спѣшила занять дверь прохода втораго двора, чтобы толпа не проникла туда. Большая часть необузданной толпы, оставшаяся на улицѣ, сообразивъ, что русскіе стоятъ въ тѣсномъ проходѣ и не позволяютъ передовой части толпы войти въ посольскій домъ, поднялась черезъ низкія стѣны конюшни на крышу и оттуда перешла на крышу посольскаго дома, между тѣмъ какъ бывшая тамъ вооруженная русская охрана спускалась внизъ въ проходъ на помощь казакамъ, рѣшивъ, что съ высокой крыши посольство безопасно. Амбарцума-бега, который по одеждѣ и наружности сильно походилъ на перса, толпа не убила; онъ говорилъ, что Мирза-Якубъ, до того момента спокойно и весело настроенный, сидѣлъ въ своей комнатѣ; но когда увидѣлъ, что голова толпы уже проникаетъ въ его комнату (Амбарцумъ прибавилъ, что, кажется, солдаты изъ нашей персидской охраны послѣ изгнанія изъ посольскаго дома, находясь внѣ, сообщили толпѣ мѣстопребываніе Якуба, поэтому толпа прямо и направилась къ его жилищу), онъ, Якубъ, всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и сказалъ: «меня хотите? я безоружный передъ вами, убейте меня скорѣе, чтобы по моей винѣ другіе не были убиты». До послѣдняго издыханія онъ повторялъ «бзанидъ, бзанидъ», то-есть бейте, бейте. Такъ и вышло: его тѣло было изрублено въ куски; затѣмъ толпа бросилась на другой дворъ, дверь котораго охранялась вооруженными русскими. Тутъ совершались съ обѣихъ сторонъ ужасныя, душу потрясающія убійства; но русскіе солдаты, съ неимовѣрнымъ упорствомъ и храбростію сражаясь и постепенно уменьшаясь въ численности, не въ состояніи были противодействовать; они вынуждены были уступить свою позицію и войти во второй дворъ.

Грибовдовъ, видя изъ окна своей комнаты эту ужасную картину, приказывалъ остальнымъ солдатамъ собраться на ступенькахъ лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ, и, держа передъ собой пашки, ружья и пистолеты, стоять и не допускать толпу войти на верхъ и забраться въ его комнаты, пока отъ шахскаго двора не поспѣетъ помощь. Самъ онъ одѣлся въ парадное платье и надѣлъ ордена, чтобы толпа, узнавъ его, отнеслась съ почтеніемъ и не посягнула бы на его особу. Но напрасенъ былъ его расчетъ! Взбѣшенная толпа ни на что не смотрѣла и уже ничего не боялась.

Подстрекатели и инициаторы-муллы и сеиды послѣ убійства Мирзы-

Якуба исчезли. Также и опытные старцы-фанатики послѣ убійства Мирзы-Якуба, согласно мусульманскому шаріату, считая свой священный долгъ исполненнымъ, подобно статуямъ, стояли на улицахъ или внутри въ углахъ дворовъ, въ качествѣ зрителей и ждали конца; а бродяги и городскіе негодяи, не зная, на что устремиться, дѣлали, что хотѣли.

Посоль въ одномъ и томъ же положеніи долгое время выдерживалъ осаду въ верхнемъ этажѣ, подѣ защитой нѣсколькихъ отважныхъ и храбрыхъ казаковъ. Какъ только толпа, сбитая въ тѣсномъ и узкомъ дворѣ, замѣтила, что не въ состояніи окончательно уничтожить своихъ противниковъ, она бросилась на крышу, разрушила кровлю комнаты, занимаемой посломъ, снимала балки и бросала ихъ въ голову осажденныхъ; въ открывшіяся отверстія крыши бросали внутрь комнаты камни, палки, молоты; выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ убили посла, сорвали съ него ордена, надѣтое на немъ платье и его треуголку и выбросили его изъ окна, тѣмъ самымъ желая показать толпѣ, что одержана полная побѣда ¹⁾. Затѣмъ выйдя изъ комнатъ и двора, мятежники напали на храбрыхъ казаковъ и дрались съ ними, пока, наконецъ, подоспѣли шахзаде и разсѣяли толпу ²⁾. Изъ служащихъ въ посольствѣ спасся только одинъ Мальцевъ ³⁾ со своимъ слугою и вышепоименованный Амбарцумъ-бегъ, хотя послѣдній и былъ сильно раненъ, когда бродяги его rozpoзнали. Манучаръ-ханъ въ тотъ же день вечеромъ послалъ людей перевезти къ себѣ въ домъ тѣло Соломона Меликянца. Съ Ускумъ-ханумъ, при видѣ трупа внука, сдѣлался параличъ, и на второй день она скончалась. Манучаръ оба эти трупа отправилъ, для преданія землѣ въ оградѣ армянской церкви, чтобы черезъ нѣсколько дней перевезти въ Св. Эчміадзинъ и тамъ похоронить. Трупы убитыхъ во время неистовства черни цѣлыхъ три дня оставались въ посольскомъ домѣ ⁴⁾; на четвертый день Калантаръ изъ Тегерана, по

¹⁾ Здѣсь авторъ противорѣчитъ сказанному на стр. 59. Р е д.

²⁾ Неизвѣстное лицо въ письмѣ безъ подписи, адресованномъ изъ Тегерана аштаравскому Нересу-архіепископу (впослѣдствіи католикусу), описывая это печальное происшествіе, сообщало, что число убитыхъ достигало 54 человекъ; а русскіе официальные источники показываютъ, что число однихъ пришедшихъ на поиски плѣнниковъ достигало 48 лицъ. П р и м. а в т о р а.

Письмо это въ переводѣ на русскій языкъ напечатано въ журналѣ, выходившемъ подѣ редакціей Ал. Д. Ерицова, „Кавказская Старина“ 1872 г. № 1, ноябрь, стр. 28. П р и м. п е р е в о д ч и к а.

³⁾ Ср. рассказъ Мальцева о своемъ спасеніи. „Рус. Вѣстникъ“ 1890 г. № 6, стр. 164 и слѣд. П р и м. п е р е в о д ч и к а.

⁴⁾ Объ издѣвательствѣ надѣ трупомъ А. С. Грибоѣдова см. Пушкина А. С., Собр. соч. т. IV, стр. 431. Изд. Литературнаго фонда. „Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ Тегеранской черни“... *Nouvelles Annales des voyages*. 1830. Т. 48. Р. 366. Рассказъ

приказанію шаха, ночью, тайкомъ, взялъ людей, передъ зданіемъ посольства во рву крѣпости выкопалъ яму и, собравъ всѣ трупы, приказалъ свалить вмѣстѣ въ эту яму и покрыть землей. Шестъ или семь дней спустя послѣ этого происшествія, правительство, узнавъ, что Манучаръ намѣренъ трупы своей матери и племянника отправить въ Св. Эчмиадзинъ, не знаю по чьей инициативѣ, послалъ людей раскопать яму, найти трупъ посла, отвезти въ армянскую церковь и также предать землѣ въ оградѣ ея, на случай, если русское правительство потребуетъ его выдачи. Посланные не могли узнать трупа Грибовѣдова, поэтому пригласили Аветиса Кузиняна и другихъ купцовъ—русскихъ подданныхъ—чтобы хоть тѣ могли распознать, но никто не могъ узнать его. Кто-то сказалъ, что дѣло не въ настоящемъ трупѣ посла, а въ его

персіанскаго: „J'appris par mes domestiques qu'on avait traîné le cadavre mutilé de Mirza Iakoub par toute la ville, et qu'ensuite on l'avait jeté dans un fossé profond.“

Il en fut de même d'un corps qu'on supposait être celui de M. Griboyedov. On attacha des cordes aux jambes et un cortège dérisoire l'escorta dans les principales rues et les bazars de Téhéran en criant par intervalles: „Place, place à l'ambassadeur russe qui va rendre visite au schâh. Restez debout pour témoigner votre respect, et saluez-le à la mode des Francs, en vous découvrant la tête“. Après l'avoir longtemps promené ainsi, on l'exposa à la vue du public dans la place qui mène à la porte principale de la citadelle. A la chute du jour, tout étant rentré dans le calme, on le transporta, d'après les ordres du prince-gouverneur dans, la maison de Mohammed Khan. La nuit se passa tranquillement et le lendemain le ferach-bachi Kérim khan fut désigné pour faire opérer la translation de tous les cadavres; 44 personnes de l'ambassade russe avaient péri. Après quelques recherches, on retrouva le corps de M. Griboyedov au milieu d'un tas de morts devant une des fenêtres de son appartement. Je vis avec une sorte de satisfaction qu'il n'avait essuyé aucun outrage“.

Переводъ. Я узналъ отъ моихъ слугъ, что изувѣченный трупъ Мирзы-Якуба таскали по всему городу, а затѣмъ бросили въ глубокой ровъ. Точно также было поступлено и съ предполагаемымъ тѣломъ г. Грибовѣдова. Къ его ногамъ привязали веревки, и шутивый поѣздъ сопровождалъ его по главнымъ улицамъ и по базарамъ Тегерана, крича время отъ времени: „Дайте мѣсто, дайте мѣсто русскому посланнику, который ѣдетъ съ визитомъ къ Шаху. Стойте прямо, чтобы выказать ему ваше почтеніе, и поклонитесь ему по-европейски, обнаживъ голову“. Проволочивъ его такимъ образомъ долгое время, его выставили на показъ толпѣ на площади, которая ведетъ къ главнымъ воротамъ крѣпости. Когда съ наступленіемъ сумерекъ вездѣ водворился порядокъ, то его перенесли, по приказанію губернатора, въ домъ Мохаммедъ-хана. Ночь прошла спокойно, а на слѣдующій день ферахъ-беги Керимъ-ханъ былъ назначенъ для перенесенія всѣхъ тѣлъ; погибло 44 человекъ русскаго посольства. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ было найдено тѣло г. Грибовѣдова среди груды труповъ передъ однимъ изъ оконъ его квартиры. Я увидѣлъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, что ему не было нанесено никакого оскорбленія (?).

Прим. переводчика.

имени, поэтому на второй день взяли одинъ трупъ, который сравнительно менѣе былъ израненъ, и отвезли его въ армянскую церковь, гдѣ въ ея оградѣ и похоронили.

Черезъ двѣ недѣли, когда Манучарь-ханъ трупы своей матери и Соломона помѣстилъ на одномъ тахть-реванѣ и отправилъ въ Эчміадзинъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ верховыхъ, тогда на другомъ тахть-реванѣ былъ отправленъ и предполагаемый трупъ Грибоѣдова: наполнили два мѣшка соломою, навьючили ими одну лошадь и трупъ, уложенный въ гробъ, помѣстили посерединѣ двухъ мѣшковъ, такъ какъ однимъ только гробомъ нельзя было навьючить лошадь.

Послѣ этого печальнаго происшествія около мѣсяца спустя, одинъ персидскій купецъ явился къ Манучарь-хану и заявилъ, что Мирза-Якубъ за нѣсколько дней до этого происшествія вручилъ ему одну связку кашемировыхъ шалей, вышитыхъ, съ его инициалами, съ тѣмъ, что сообщить впослѣдствіи, кому онѣ должны быть переданы; теперь, послѣ его убійства, онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать, кому вручить? Манучаръ приказалъ отнести ихъ и передать верховному визирю, который, опечатавъ своею печатью, приказалъ Манучарь-хану—хранить, какъ наследственное имущество.

Говорили, что Якубъ имѣлъ массу драгоценныхъ камней и роздалъ разнымъ лицамъ, но никто объ этомъ не заявилъ, такъ они и пропали. Спустя нѣкоторое время, т. е. въ 1832—1833 годахъ, оставшееся имущество отъ Якуба русскій тавризскій консулъ вручилъ мужу дочери брата Якуба (братъ Якуба былъ убитъ также въ посольствѣ) Мкртичу Карташяну, въ то время секретарю Эчміадзинскаго Синода.

Въ заключеніе приводимъ разсказъ Амбарцума, напечатанный въ газетѣ «Мшакъ» подъ заглавіемъ: «Убіеніе А. С. Грибоѣдова»¹⁾.

Разсказъ Амбарцума: «Нашъ вазирь-мухтаръ (полномочный посолъ) былъ очень добродушный и милостивый человекъ,—сказалъ старецъ-разсказчикъ,—хотя господинъ въ высшей степени раздражительнаго характера. Въ числѣ лицъ, желающихъ вернуться на родину, были и такія, которыя сдѣлались евнухами при дворѣ Фетъ-Али-Шаха, и такія женщины, которыя поступили въ шахскій гаремъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ была одна очень красивая женщина, которая иногда, ночью, тайкомъ приходила къ вазирь-мухтару въ домъ, находящійся въ кварталѣ Дараваза-Шахъ-Абдуль-Азимъ (этотъ домъ и до сихъ поръ существуетъ) и умоляла посла выслать ее на родину, въ Тифлисъ. Ее принимали за мусульманку (она была грузинка). Когда узнали объ этомъ, то какъ шахъ, такъ и народъ страшно воз-

¹⁾ См. №№ 2 и 3 за 1895 г.

мутились; подумали, что эта грузинка находится въ любовныхъ отношеніяхъ съ вазирь-мухтаромъ; въ глазахъ же мусульманъ такой проступокъ можетъ быть смытъ только убійствомъ нарушителя закона.

«По шаріату, и женщина и вазирь-мухтаръ должны были быть избиты камнями.

«Шахъ считалъ себя обезпеченнымъ, а духовенство считало свягую религію поруганною. Каждый день на базарѣ мы слышали, какъ муллы въ мечетяхъ и на рынкахъ возбуждали фанатическій народъ, убѣждая его отомстить, защитить исламъ отъ оскверненія «кяфиромъ». Мы приходили и рассказывали вазирь-мухтару, но онъ только смѣялся и не вѣрилъ тому, чтобы они осмѣлились что-нибудь подобное сдѣлать. По настоянію нашихъ казаковъ и тѣлохранителей, онъ только одинъ разъ обратился шаху и заявилъ о возбужденіи народа.

«Шахъ просилъ быть покойнымъ, говоря, что никто не осмѣлится ничего сдѣлать.

«Въ 1829 году въ послѣднихъ числахъ января, волненіе и возбужденіе въ городѣ постепенно увеличивались; шахъ со своими приближенными и своимъ гаремомъ выѣхалъ изъ города и поѣхалъ въ одну изъ близъ лежащихъ деревень.

«Мы—курьеры и казаки, постоянно держали наготовѣ наши ружья и пистолеты, но посолъ считалъ невозможнымъ какое бы то ни было нападеніе на посольскій домъ, надъ крышей котораго развѣвался русскій флагъ.

«30-го января, едва забрезжилось, какъ вдругъ послышался глухой ревъ; постепенно слышались традиціонные возгласы: «Э́а Али, салаватъ» (съ Богомъ), исходящіе изъ устъ тысячной толпы. Нѣсколько служащихъ бѣгомъ пришли извѣстить о томъ, что многочисленная толпа, вооруженная камнями, кинжалами и палками, приближается къ посольскому дому, предшествуемая муллами и сеидами. Возгласъ: «смерть кяфирамъ» былъ слышенъ очень хорошо. Посолъ теперь понялъ опасность: онъ приказалъ запереть ворота, всѣмъ казакамъ и курьерамъ числомъ около 40 велѣлъ стоять позади воротъ и охранять домъ, а самъ вмѣстѣ съ двумя казаками, имѣя въ рукахъ ружье и пистолетъ, сталъ передъ дверью комнаты. При крикахъ: «Э́а Али, салаватъ» и страшномъ грохотѣ обрушилась дверь подъ ударами топоровъ. Толпа завопила: «гдѣ невѣрующій вазирь-мухтаръ?» Нѣсколько десятковъ персидскихъ солдатъ, пришедшихъ для вида изъ сосѣднихъ казармъ, моментально скрылись. Казаки героически дрались, постепенно отодвигаясь къ комнатамъ. Когда почти всѣ были избиты и толпа приблизилась къ комнатамъ, посолъ со мною и вмѣстѣ съ двумя казаками лицомъ къ лицу стали навстрѣчу толпѣ.

«Видя, что наступила послѣдняя минута, я подошелъ къ послу и по-

просилъ, чтобы онъ вошелъ въ комнату, влѣзъ въ печную трубу и черезъ нее поднялся на крышу дома. Оказалось, что онъ съ мѣста ранилъ нѣсколькихъ и изъ ружья убилъ нѣсколько десятковъ персовъ. Я остановился передъ дверью и своимъ корпусомъ помѣшалъ толпѣ войти; сильные удары посыпались на мою голову, я упалъ, но все-таки произнесъ: «вазирь-мухтаръ уже убитъ, чего вы еще хотите?»

«Не найдя никого въ комнатѣ, толпа повѣрила и вышла вонъ возвѣстить слухъ и отыскать трупъ. Въ это время кто-то замѣтилъ на крышѣ двухъ скрывающихся казаковъ; толпа тотчасъ взобралась на крышу и убила ихъ камнями; одинъ изъ мятежниковъ заглянулъ въ дымовую трубу и крикнулъ: «вотъ одинъ кляфиръ спрятался въ печкѣ». Въ одно мгновеніе разрушили печку и, извлеки оттуда уже избитое тѣло (это было тѣло Грибоѣдова), подвергли его тысячъ ударовъ. Лежа на мѣстѣ, я слышалъ эти удары; меня считали уже умершимъ, или, можетъ быть, меня спасло отъ смерти то, что я былъ одѣтъ въ платье персидскаго курьера.

«Изуродованный и избитый трупъ посла вытащили во дворъ, и быстро все успокоилось...

«Когда я очнулся черезъ нѣсколько часовъ, кругомъ себя увидѣлъ однѣ развалины, трупы, человѣческое мясо и кровь...

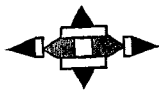
«Скрылся въ домѣ одного милосерднаго персіанина; узналъ, что цѣлыхъ два дня таскали по улицамъ трупы посла и казаковъ вмѣстѣ съ трупами дохлыхъ собакъ.

«Спустя два дня, наконецъ, пришелъ самъ шахъ; сердился, гонялъ и приказалъ подобрать трупы».

Я ¹⁾ спросилъ старца-Амбарцума: «но неужели не нашли трупъ вазирь-мухтара?» «Нашли одинъ трупъ и говорили, что это трупъ Грибоѣдова, но Богъ знаетъ, тотъ былъ или нѣтъ»...

«По нашему мнѣнію, этотъ рассказъ, переданный лицомъ-очевидцемъ и принимавшимъ участіе въ избіеніи, долженъ быть признавъ за самый достовѣрный».

Сообщ. съ дополненіями М. Я. Алавердянцъ.

¹⁾ Авторъ статьи, скрывающійся подъ инициалами Г. А.